

Лингвосемиотический механизм репрезентации пространственного образа «дорога» в тексте повести Василя Быкова «Журавлиный крик»

В статье рассматривается лингвосемиотический механизм репрезентации пространственного образа «дорога». Материалом исследования избран текст повести советского и белорусского прозаика XX в. Василя Быкова, писавшего на белорусском и русском языках, «Журавлиный крик», созданной в 1959 г. Выбор именно этого произведения обусловлен, во-первых, тем, что именно пространственный образ дороги во многом является сюжетообразующим. Во-вторых, творчество В. Быкова традиционно привлекает внимание литературоведов, однако лингвистическая составляющая его произведений изучена недостаточно. В основе алгоритма, описывающего механизм репрезентации пространственного образа, положена концепция Ю.С. Степанова о языковых операциях номинации, предикации и локализации. К имени пространственного образа «дорога» в текстах приписываются предикаты, отображающие цветовые, световые, аудиальные и другие характеристики пространства в целом и дороги в частности. В ходе анализа устанавливается, что языковой знак «дорога» в тексте индексально-символический. Индексальная составляющая репрезентирует конкретную пространственную координату. Символ как знак не имеет тесной связи со своим референтом. Символическая составляющая знака «дорога» отображает абстрактное понятие жизненного и военного пути героев повестей.

Ключевые слова: семиотология, репрезентация, эпифания, пространственный образ, номинация, предикация, локализация, Василь Быков

This article comprehends the linguosemiotic mechanism of representing the spatial image of the 'road'. The material of the analysis was the text of the story of the Soviet and Belarusian prose writer of the twentieth century Vasil Bykov, who wrote in Belarusian and Russian, "Crane Cry", created in 1959. The choice of this particular work is due, firstly, to the fact that it is the spatial image of the road that is largely plot-forming. Secondly, the work of V. Bykov traditionally attracts the attention of literary scholars, but the linguistic component of his works has not been sufficiently studied. In the basis of the algorithm describing the mechanism of representation of the spatial image, we put the concept of Yu.S. Stepanov about the language operations of nomination, predication and localization. The name of the spatial image 'road' in the texts is attributed to predicates that display color, light, audio and other characteristics of space in general and road in particular. During the analysis, it is established that the language sign "road" is indexical-symbolic in the text. The index component represents a particular spatial coordinate. The symbol as a sign has no close connection with its referent. And the symbolic component of the sign 'road' reflects the abstract concept of the life and military path of the heroes of the stories.

Keywords: semiotology, representation, epiphania, spatial image, nomination, predication, localization, Wasil Bykow

Одной из важнейших проблем, к которой обращается современная гуманитаристика, является проблема эпифании (термин Х.У. Гумбрехта) [9] как явленности мира человеку. С лингвосемиотической точки зрения картина мира, которая открывается человеку, во многом определяется структурами того языка, на котором он говорит, или языковой репрезентацией [1; 3; 5; 10; 12; 13].

Термин «репрезентация» происходит от латинского глагола *repraesentatio* и в широком понимании может быть определен как семиотический (знаковый) процесс, в ходе которого осуществляется представление одного объекта посредством другого [8]. Проблема репрезентации имеет общегуманитарную направленность, т.к. человек вступает в коммуникацию с миром исключительно посредством знаковых систем, прежде всего вербального языка, «обретая» мир лишь в процессе означивания [3. С. 9]. Мир является нам с помощью языков и текстов, которые, по существу, опосредуют отношения мира и человека. Иначе говоря, реальным для разума, доступным нашему пониманию становится все то, что с лингвистической точки зрения было вербализовано, а с семиотической — означено [21. С. 22–24].

В рамках настоящей статьи феномен репрезентации анализируется с точки зрения теории референции, логической семантики и семиотики. Репрезентация так или иначе связана с процессами означивания, референции к миру и ее оборотной стороной — отображением мира в языке. Полагаем, следует остановиться на том, что представляет собой языковой знак, как происходит репрезентация мира в знаках (языках и кодах).

Языковой знак (лат. *signum*) представляет собой материальный, чувственно воспринимаемый объект, указывающий на другой объект [1. С. 23]. По существу, знак удовлетворяет требованию, сформулированному еще схоластами: *aliquid stat pro aliquo* — сущность, указывающая на нечто вне своих пределов [7. С. 44]. С точки зрения Э. Бенвениста, «роль знака заключается в том, чтобы репрезентировать, замещать какую-либо вещь, выступая ее субститутом для сознания» [2. С. 76].

Механизм соотнесения знаков и объектов реальности называется процессом референции (от англ. *to refer* — относиться, иметь в виду, ссылаться) [1. С. 179]. Референциальный механизм служит для того, чтобы «связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире» [17. С. 7]. И здесь важно помнить, что знак никогда не есть «зеркальная» копия референта. Языковое и текстовое означивание не копирует мир, но отображает его, «преломляет» под определенным углом зрения. Обратной стороной референции к миру и является его отображение в пространстве языков и текстов культуры [5. С. 162].

Таким образом, существование человека оказывается связано с эмпирически доступным миром и одновременно с пространством знаков [4. С. 161]. По существу, можно говорить о том, что, отображая мир посредством знаков, мы оказываемся в ситуации сосуществования двух реальностей: онтологической и семиотической. Причем оба типа реальности, по мнению А. Соломоника, способны существовать объективно, вне нашего сознания [18. С. 27]. Каковы же различия двух типов реальности?

Главным их различием является неодинаковый характер происхождения. Онтологическая реальность дана нам изначально как нечто созданное без участия человека. Семиотическая реальность полностью предопределяется (и создается) человеком. Она не может возникнуть и существовать без того, кто создает и интерпретирует знаки. Можно утверждать, что любой объект только тогда становится знаком, когда мы наделяем его свойством «быть знаком» [Там же. С. 30–31].

Результатом языковой и текстовой репрезентации мира становится возникновение относительно изоморфной миру семиотической реальности.

Обратимся к осмыслению репрезентации пространственного образа «дорога». В античной философии понятие пространства (лат. *spatium*) связывалось с такими понятиями, как бытие, форма, движение. Согласно Аристотелю, пространство является объективным свойством вещей и представляет собой отношения объектов материального мира. Философ определял пространство как неоднородное и конечное. В целом в Античности пространство мыслилось как «активное, движущееся, неоднородное» [23. С. 30].

В Средние века взгляды на пространство меняются. Оно считается трехмерным, а в работах Н. Коперника получает такой атрибут, как бесконечность [Там же. С. 33].

В конце XIX в. пространство «начинает пониматься как форма бытия не только физических объектов, но и жизни субъектов культуры — человека и общества» [24. С. 29]. Гуманитарное знание также обращается к проблемам понимания пространства, и во многом это связано с трудами немецкого философа и культуролога Э. Кассирера. В философии Кассирера символические знаки являются ключевыми инструментами репрезентации пространственных категорий [25. С. 84].

В современной философии и — шире — гуманитарном знании пространство интерпретируется не столько само по себе, сколько в связи с сознанием человека, т.е. как антропологический конструкт,

«форма созерцания, восприятия вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта» [16. С. 240]. Категория пространства при этом неразрывно связана с категорией времени [21. С. 227].

В когнитивистике пространство представляет собой ментальный конструкт [11. С. 61]. При этом, помимо термина «пространство», существует термин «ментальное пространство», обозначающий когнитивный опыт человека [15]. Когнитивная лингвистика также изучает пространство как культурный концепт, как текстовую категорию. При этом, по мнению Ю.М. Лотмана, «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [14. С. 414].

В середине XX в. формируется отдельная область гуманитарного знания — семиотика пространства, или семиотопология, которая связана с именами Р. Барта и У. Эко. Предметом семиотопологии является «не то, что означают те или иные пространственные формы, а то, как они это делают» [24. С. 35]. Конструирование пространственных образов в текстах связано и с чувственным восприятием, и с механизмами «отсроченного» наблюдения, т.е. с созданием пространственных связей между объектами реальности.

Анализируя пространственные образы, мы используем концепцию Ю.С. Степанова о трех языковых операциях, которые запускают «работу» языковой системы: номинации, предикации и локализации [19].

Материалом исследования выступает текст повести советского и белорусского писателя-билингва Василя Быкова (1924–2003) «Журавлиный крик» («Жураўліны крык») [6], посвященной Великой Отечественной войне. Творчество В. Быкова издавна привлекало внимание литературоведов, в частности и указанная повесть, которая также исследовалась в литературоведческом ключе [26]. Однако лингвистическая составляющая этого текста на сегодняшний день изучена недостаточно.

Герои повести «Журавлиный крик» (1959) — шесть советских солдат: Василь Глечик, Григорий Карпенко, Борис Фишер, Алик Овсеев, Иван Пшеничный, Витька Свист — получают приказ перекрыть на сутки дорогу, по которой отступает батальон. Укрепив оборонительные позиции (окопы, траншеи), они готовятся к следующему дню, понимая, что он будет последним в их жизни. Один из бойцов, Иван Пшеничный, отчаявшись, решается на предательство и под покровом ночи уходит из окопа, а вскоре погибает от вражеской пули. Маленькому отряду удается выполнить приказ и сдержать силы противника, однако ценой жизни всех солдат.

Повесть отличается своеобразием пространственной организации. Одним из лейтмотивов произведения является дорога. Примечательно, что текст повести «Журавлиный крик» начинается с описания пространственной точки — железнодорожного переезда, откуда пойдет дальнейшее развитие действия.

В тексте предикатные знаки, характеризующие переезд, можно объединить в две антонимичные группы. С одной стороны, автор показывает, каким был переезд до войны: *Переезд был старый, некогда заботливо ухоженный, с полосатыми столбиками и такими же полосатыми шлагбаумами по сторонам старенькой, оштукатуренной будки-сторожки...*¹ (здесь и далее в цитатах полужирным шрифтом выделено нами. — С. И., Н. В., М. А.). Обращает на себя внимание использование деминутивов: *столбиками, старенькой*. Они передают трогательное, бережное отношение автора к описываемому месту.

С другой стороны, читатель видит, как меняется переезд во время войны. Теперь он *грязный, разрезженный, заброшенный*, железная дорога *пустая, неизвестно где начинавшаяся и невесть куда уходящая*. Таким образом, характеризуя пространственную точку, в которой начинается действие повести «Журавлиный крик», В. Быков показывает разрушительную сущность войны, несущую миру гибель и пустоту.

¹ Цитаты из повести В. Быкова «Журавлиный крик» приводятся по источнику [6].

Располагается (процедура локализации) железнодорожный переезд *на краю болотистой низинки, где оканчивалась насыпь*. Здесь лексемы *на краю, болотистой* несут символическую нагруженность. *Край* символизирует конечную точку жизненного пути, которой достигают герои повести — солдаты, погибающие при выполнении боевой задачи. Семантику гибели, конца жизни выражает и лексема *болотистый*.

За день они оторвались от противника, обессиленный бомбежками, полк спешил отступить в лес, окопаться, наладить оборону и как-нибудь удержаться на лесном рубеже. Дорогу на подступах к этой обороне комбат приказал удерживать сутки. Ночь вот стоит тихая, а кто знает, каким будет завтрашний день? Конечно, немцы могут пойти и другим путем, но если двинут вот этой дорогой, то их шестерке доведется хлебнуть горя.

В данном фрагменте дорога, с одной стороны, отображает вполне конкретную пространственную точку, с другой — несет символическую нагруженность: движение войны, жизненный путь героев, проходящий словно сквозь военные горести, и его предел.

С пространственным образом собственно дороги в тексте повести тесно связан образ траншей, окопов:

Бойцы на переезде дружно взялись за дело: копали, вгрызались в затвердевшую залежь земли. Не прошло и часа, как Пшеничный чуть не по самые плечи зарылся в серую кучу глины. Далеко вокруг отбрасывающая рассыпчатые комья, легко и весело оборудовал свою позицию Свист. <...> У самой будки со знанием дела оборудовал пулеметную позицию Карпенко; по другую сторону от него старательно долбил землю раскрасневшийся, потный Глечик. Взрыхлив прутом грунт, он руками выбрасывал комья и снова долбил.

Представлен детальный, до мельчайших подробностей описанный процесс рытья окопов. Предикатные знаки приписываются к имени *земля (затвердевшая), комья (рассыпчатые)*. Глагольная лексика (внешние предикаты), которая репрезентирует сам процесс рытья, содержит семантику «твердость, неподатливость»: *вгрызались, долбил*. Все это доказывает значимость пространственного образа окопов в структуре сюжета текста.

Другой фрагмент текста, репрезентирующий этот же пространственный образ:

В тяжелом молчании бойцы снова впряглись в работу. Почти ощупью они скребли в темноте лопатами, рыли траншею, чтобы соединить ею все стрелковые ячейки...

...Наверное, уже к полуночи **выгнутая дугой** траншея кое-как соединила пять стрелковых ячеек.

Не везде она была **нужной глубины** — на делянке Пшеничного, на долю которого вместе с Глечиком выпал еще и участок Фишера, она доходила не больше чем до колен. К тому же получилась **кривая и угловатая**. Оно и понятно — ночная работа.

В данном фрагменте мы видим предикатные знаки, приписываемые к имени объекта *траншея: выгнутая дугой, не везде нужной глубины, кривая, угловатая, ночная*. Они репрезентируют траншею как неровную, изогнутую, влекущую угрозу. Эту же семантику — угроза, гибельность — содержит и лексема *ночная*, что подтверждается развитием сюжета: траншея не защитила солдат от смерти.

Дорога в тексте повести В. Быкова в целом связана с семантикой увядания и — шире — смерти:

Перед ними в осеннем поле высился косогор с дорогой, на которую сыпали пожелтелую листву две большие коренастые березы, и где-то на горизонте заходило невидимое солнце.

Лексема *дорога* представлена в сопровождении предикатных знаков: *на которую сыпали пожелтевшую листву две большие коренастые березы*. Проходит дорога (локализация) *в осеннем поле на косогоре*. В результате автором создается осенний пейзаж, а лексема *дорога* приобретает символическую семантику ухода, увядания [22]. Это подтверждает также образ заходящего солнца.

В других фрагментах текста лексема *дорога* также связана с предикатами, которые несут семантику беды, смерти:

...Под ботинками **чавкала грязь**, его обдавал дождь, с крыши стекало на пилотку, и тяжелое предчувствие все глубже и глубже забиралось в душу бойца...

...Постепенно привыкнув ко тьме, Овсеев стал различать **тусклую** линию железной дороги, пятна столбиков на переезде, слышал, как **печально** шумели молодые посадки у линии...

Дорога в данном фрагменте представлена как грязная (*чавкала грязь*), рельсы *тускло* отсвечивают в лунном свете, деревья *печально* шумят. С одной стороны, дорога здесь опять же физическая пространственная координата, а с другой — символ пути, ведущего в небытие.

Семантика смерти кодируется и в следующем фрагменте текста повести:

Они поднялись на пригорок, с которого открылись новые, уже затянутые **вечерней мглой** дали — поле, ложбина, покрытая кустарником, далекий ельник, возле него за дорогой — соломенные крыши деревни. Рядом, у канавы, качая на ветру тонкими ветвями, шелестели порыжелой листвой березы. Они были толстые и, видно, очень старые, эти **извечные сторожа дорог**, с потрескавшейся, **почерневшей корой**, густо усыпанные шишками наростов; у одной, забитый в комель, торчал железнодорожный костыль.

Семантику увядания, смерти несут такие лексемы, как *вечерняя мгла*, *порыжелая листва*, *извечные сторожа дорог*, *почерневшая кора*. Дорога, по которой идут герои повести, ведет их в небытие.

С образом дороги, репрезентирующим жизненный путь и его финальную точку, связана в тексте и другая пейзажная лексика:

Вечерело. Из-за леса ползли сизые, набрякшие влагой тучи. Они тяжело и плотно обложили небо и совершенно стерли блестящую полосу над косогором. Стало сумрачно и холодно. Ветер с осенней яростью теребил березы у дороги, выметал канавы, гнал через железнодорожную линию шуршащие стайки листвы. Мутная вода, выплескиваясь из луж от сильных порывов ветра, кропила обочину студеными грязными брызгами.

В приведенном фрагменте представлена развернутая пейзажная единица. Можно выделить следующие семантические группы лексем: природные объекты: *лес*, *тучи*, *небо*, *ветер*, *косогор*, *дорога*, *канавы*, *железнодорожная линия*, *вода*, *лужи*; цветовые характеристики: *сизые*, *мутная*, *грязными*; световые характеристики: *блестящую*, *сумрачно*; температурные характеристики: *холодно*, *студеными*; характеристика времени суток: *вечерело*.

Целый ряд указанных лексических единиц имеет негативную коннотацию: *мутная*, *грязными*, *холодно*, *студеными*. Они формируют для читателя-интерпретатора мрачную, безнадежную картину промозглой осени и покинутого железнодорожного переезда, которому суждено стать местом, где оборвутся человеческие жизни.

Аналогичную картину можно наблюдать и в другом текстовом фрагменте:

Медленно светало. Тьма постепенно редела, отползала от переезда, уже проглянула из мрака железнодорожная насыпь и дорога с блестящей лужей посередине. Темной расплывчатой полосой вдоль дороги тянулись посадки. Ветер стих, потеплело, из ложины через пути ползли серые космы тумана. <...> На дороге за березами чуткую предрачевную тишину прорезала гулкая пулеметная очередь...

В приведенном тексте представлены следующие характеристики:

световые (*тьма*, *мрак*, *блестящей*, *лужей*, *темной*), цветовые (*серые*), звуковые (*тишину*, *пулеметная очередь*), времени суток (*светало*).

В данной текстовой пейзажной единице также видим темную, мрачную палитру, однообразие которой нарушается лишь блеском воды в луже. Эта картина созвучна общему трагическому тону повествования.

Пространственный образ дороги сопровождает героев на протяжении всего повествования. Один из важнейших поворотов сюжета — предательство, совершенное солдатом Пшеничным.

Он **направился к железной дороге, перепрыгнув траншею, взбежал на невысокую насыпь** и всмотрелся во тьму. <...> Пшеничный знал: скоро начнет светать, а на рассвете, наверно, появятся на дороге немцы, и тогда уже будет поздно...

Он еще **постоял на дороге**, вслушался, оглянулся на сторожку, из которой доносился приглушенный расстоянием голос Свиста, и сказал себе: «Давай!» Потом торопливым воровским шагом **сбежал с насыпи, перескочил канаву** и, не разбирая — по грязи и лужам, быстро **пошел дорогой**.

Взойдя на гулкий настил мостика в ложбинке, Пшеничный еще раз оглянулся и тут снова с особой силой почувствовал в душе тревожную тоску от сознания абсолютного своего одиночества...

С этими горячечными мыслями, в беспорядке суетившимися в голове, он быстро **шагал, разбрызгивая лужи**. Тем временем стало светать. Мутным, расплывчато-туманным отсветом обозначилось небо над горизонтом, стала проступать из темноты грязная, в лужах, дорога. Пшеничный **выбирался на взгорок** с березами. <...>

Вскоре березы остались позади. Пшеничный **шел по дороге** дальше, изредка настороженно оглядываясь. Тусклый серый рассвет, просачиваясь неизвестно откуда, отслаивал землю от неба, раздвигал туманный простор полей, постепенно отвоевывал у тьмы дорогу, канавы, кустарник с облетевшей листвой.

Сразу обращает на себя внимание траектория, по которой движется герой: *перепрыгнул траншею, поднялся на насыпь, спустился с насыпи, пошел по дороге, взошел на мост в ложбинке, снова движется по дороге, затем всходит на пригорок, опять идет по дороге*. Примечательно, что автор показывает поочередно, как Пшеничный поднимается на пригорки и спускается с них, пересекает мост. Пространство организовано «по вертикали», мы видим подъемы и спуски. С одной стороны, В. Быков показывает вполне достоверную картину дороги как реального объекта. С другой стороны, эти подъемы и спуски созвучны душевному состоянию героя, который, несмотря на окрепшую решимость совершить бегство, все же, возможно, в глубине души сомневается в своем поступке. Мост здесь имеет явно символическое значение, репрезентируя границу как между честью и предательством, так и между миром живых и мертвых (телом и духом).

В анализируемом фрагменте можно выделить группы лексем, обозначающих цветовые характеристики пространства: *железная дорога* (металлический блеск), *грязь, лужи* (цвет мокрой земли), *мутный, расплывчато-туманный отсвет неба, березы* (белый, возможно, грязно-белый, сероватый); *кустарник с облетевшей листвой* (коричневый, возможно, грязно-желтый); *тусклый серый рассвет*; световые характеристики пространства: *тьма, ночь, начало светать*.

Таким образом, перед читателем открывается промозглая, темная и даже после рассвета серая и мрачная картина. Цветовые и световые характеристики репрезентируют отчаяние в душе героя, решившегося на предательство.

Этой же идее — бегство в страхе и одновременно сомнение — подчинена и глагольная лексика: глаголы (и глагольные формы) перемещения: *направился, перепрыгнув, взбежал, постоял, перескочил, сбежал, пошел, взойдя, шагал, выбирался, шел*; глаголы с семантикой зрительного и аудиального восприятия: *всмотрелся, вслушался, оглянулся, оглядываясь*.

В тексте повести «Журавлиный крик» присутствует не только образ реальной, физически воспринимаемой дороги. От образа земной дороги в финале повести автор ведет читателя к образу дороги небесной. И символом бессмертия души здесь выступает журавлиный клин. Готовясь принять последний бой, солдат Глечик видит летящих в вышине птиц:

Там, медленно продвигаясь под облаками и надрывно курлыкая, летела в неведомую даль коротенькая цепочка журавлей.

...С неба донесся новый тревожно-отрывистый звук, полный печали и тоскливого зова: «Курл!.. Курл!.. Курл!..»

<...> Что-то созвучное своим страданиям услышал он в том его крике, и гримаса боли и жалости искривила круглое мальчишечье лицо. А журавль звал, бросал в воздушную бесконечность напрасные звуки тревоги, махал и махал ослабевшими крыльями, устремляясь вперед своей длинной изогнутой шеей. Но догнать стаю он уже не мог. Поняв это, Глечик обеими руками схватился за голову, заткнул уши, напрыгав, сжался в комок. Так, в неподвижности, он сидел долго, сбитый с толку этой безудержной журавлиной тоской.

Представлена своего рода воздушная дорога, по которой летят журавли. Здесь можно выделить следующие лексические группы: со значением перемещения: *продвигаясь, летела, летел, устремляясь, догнать не мог*; с аудиальной семантикой: *надрывно курлыкая, тревожно-отрывистый звук, полный печали и тоскливого зова, крик, звал, напрасные звуки тревоги, переполненный отчаянием журавлиный крик*.

Образ летящих вдаль журавлей, безусловно, несет символическую нагрузку. Журавли — это символ бессмертия, возрождения. Кроме того, в контексте повести это еще и символ последней надежды, связанной с далекими прекрасными воспоминаниями детства героя. Примечательно, что вслед за основным клином летит еще и *отставший, видно, подбитый журавлик*. Семантика этого образа связана с одиночеством Глечика, который готовится к своему последнему бою и в крике журавлей слышит свое собственное страдание и отчаяние.

С лингвосемиотической точки зрения языковой знак «дорога» в тексте повести В. Быкова «Журавлиный крик» представляет собой индексально-символический знак. Индексальная составляющая репрезентирует конкретную пространственную точку (реальная земная дорога, изображенная в тексте). Символическая составляющая с лингвосемиотической точки зрения представляет собой знак, который замещает свой референт исключительно по установлению, в языковой традиции [5; 20; 22]. Символ не похож на замещаемый объект, не имеет с ним ничего общего и не может быть воспринят с помощью органов чувств. Символ выступает, как правило, знаком абстрактного референта, идеи.

Символическая составляющая знака «дорога» связана именно с абстрактной категорией. Дорога символизирует жизненный и военный путь персонажей произведений В. Быкова. Дорога ведет их через военные тяготы и лишения, и жизненный путь целого ряда героев обрывается: дорога приводит их в небытие.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2009. 384 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
3. Бразговская Е.Е. Референция и отображение: (от философии языка к философии текста). Пермь: ПГПУ, 2006. 191 с.
4. Бразговская Е.Е. Текст культуры: от события — к событию: (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий). Пермь: Пермский государственный педагогический ун-т, 2004. 284 с.
5. Бразговская Е.Е. Семиотика. Языки и коды культуры: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 187 с.
6. Быков В. Журавлиный крик. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/bykov7/01.html?ysclid=mdoi8e0eh5450431082> (18.07.2025).
7. Булер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 502 с.
8. Вартовский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 506 с.
9. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. СПб.: Академический проект, 1998. 261 с.
11. Егорова М.А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «ментальное пространство», «когнитивная база», «концептосфера», «картина мира» // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. Иркутск, 2012. № 3. С. 61–68.

References

1. Arutiunova N.D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticcheskie problemy. Moscow: Editorial URSS, 2009. 384 s.
2. Benvenist E. Obshchaia lingvistika. Moscow: Editorial URSS, 2002. 448 s.
3. Brazgovskaia E.E. Referentsiia i otobrazhenie: (ot filosofii iazyka k filosofii teksta). Perm': PGPU, 2006. 191 s.
4. Brazgovskaia E.E. Tekst kul'tury: ot sobytiia — k sobytiu: (logiko-semioticheskii analiz mezhtekstovyykh vzaimodeistvii). Perm': Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii un-t, 2004. 284 s.
5. Brazgovskaia E.E. Semiotika. Iazyki i kody kul'tury: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Iurait, 2019. 187 s.
6. Bykov V. Zhuravlinyi krik. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/bykov7/01.html?ysclid=mdoi8e0eh5450431082> (18.07.2025).
7. Biuler K. Teoriia iazyka. Rerezentativnaia funktsiia iazyka. Moscow: Progress, 2000. 502 s.
8. Vartovskii M. Modeli. Rerezentatsiia i nauchnoe ponimanie / per. s angl. Moscow: Progress, 1988. 506 s.
9. Gumbrecht Kh.U. Proizvodstvo prisutstviia: chego ne mozhet peredat' znachenie. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 184 s.
10. Delez Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiiia. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 1998. 261 s.
11. Egorova M.A. «Kognitivnoe prostranstvo» i ego sootnoshenie s poniatiiami «mental'noe prostranstvo», «kognitivnaia baza», «kontseptosfera», «kartina mira» // Vestnik IGLU. Serii: Filologiiia. Irkutsk, 2012. No. 3. S. 61–68.

12. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 264–390.

13. Лебедев М.В. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001. 344 с.

14. Лотман Ю.М. Семиотика пространства // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Tallinn: Александра, 1992. С. 414.

15. Мечковская Н.Б. Язык. Природа. Культура. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 432 с.

16. Никулин Д.В. Пространство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 370.

17. Падучева Е.Н. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 296 с.

18. Соломоник А. Парадигма семиотики: очерки по общей семиотике: с приложением словаря семиотических терминов. М.: ЛКИ, 2011. 336 с.

19. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 360 с.

20. Трессиндер Дж. Словарь символов. URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_SYMBOLES.pdf (18.07.2025).

21. Физический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.А. Введенский, Б.М. Вул. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 594 с.

22. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Либроком, 2010. 272 с.

23. Чернухина М.А. Категории пространства и времени в истории и философии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. С. 29–36.

24. Чертов Л.Ф. Знаковая призма: статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014. 414 с.

25. Чертов Л.Ф. Пространство и смысл в философии Э. Кассирера // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 4. С. 234–248.

26. Шагалов А. Василь Быков. Повести о войне. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.

12. El'msl'ev L. Prolegomeny k teorii iazyka // Novoe v lingvistike. 1960. Vyp. 1. S. 264–390.

13. Lebedev M.V. Ontologicheskie problemy referentsii. Moscow: Praksis, 2001. 344 s.

14. Lotman Ju.M. Semiotika prostranstva // Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. S. 414.

15. Mechkovskaia N.B. Iazyk. Priroda. Kul'tura. Moscow: Izd. tsentr "Akademiiia", 2007. 432 s.

16. Nikulin D.V. Prostranstvo // Novaya filosofskaya entsiklopediia: v 4 t. T. 3. Moscow: Mysl', 2010. S. 370.

17. Paducheva E.N. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii. Moscow: Izd-vo LKI, 2010. 296 s.

18. Solomonik A. Paradigma semiotiki: ocherki po obshchei semiotike: s prilozheniem slovaria semioticheskikh terminov. Moscow: LKI, 2011. 336 s.

19. Stepanov Ju.S. Imena, predikaty, predlozheniia: semiologicheskaja grammatika. Moscow: Izd-vo LKI, 2007. 360 s.

20. Tressinder Dzh. Slovar' simvolov. URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_SYMBOLES.pdf (18.07.2025).

21. Fizicheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. B.A. Vvedenskii, B.M. Vul. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1965. 594 s.

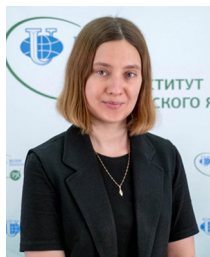
22. Cherneiko L.O. Lingvofilosofskii analiz abstraktnogo imeni. Moscow: Librokom, 2010. 272 s.

23. Chernukhina M.A. Kategorii prostranstva i vremeni v istorii i filosofii kul'tury // Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. No. 10. S. 29–36.

24. Chertov L.F. Znakovaiia prizma: stat'i po obshchei i prostranstvennoi semiotike. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2014. 414 s.

25. Chertov L.F. Prostranstvo i smysl v filosofii E. Kasserera // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2011. T. 12. Vyp. 4. S. 234–248.

26. Shagalov A. Vasil' Bykov. Povesti o voine. Moscow: Khudozh. lit., 1989. 302 s.

Иванова Светлана Сергеевна,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 1
Институт русского языка

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Ivanowa Swetlana S.,

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: svetlana-ivanowa@yandex.ru
AuthorID: 210807
<https://orcid.org/0009-0003-7794-8270>

Вологина Наталья Владимировна,
кандидат политических наук, доцент,
проректор по учебной работе
Белорусско-Российский университет (Могилёв, Беларусь)

Vologina Natalia V.,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for Academic Affairs
Belarusian-Russian University (Mogilev, Belarus)

e-mail: nvshel@mail.ru
AuthorID: 801416

Лонцкая Мария Алексеевна,
старший преподаватель кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Lontskaya Maria A.,
Senior Lecturer of the Russian Language Department No. 1
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: lontskayamaria@gmail.com
AuthorID: 720575
<https://orcid.org/0000-0001-6348-096X>

Статья поступила: 01.09.2025

Принята к печати: 06.10.2025